

Ю.В. Синеокая

Право на обман (К вопросу о пользе и вреде лжи в воспитательных практиках)

Синеокая Юлия Вадимовна – доктор философских наук, доцент, зав. сектором истории западной философии. Институт философии Российской академии наук. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: juliasineokaya@yahoo.com

В центре внимания автора статьи дискуссионный вопрос о пользе и вреде лжи для жизни. Формирование ценностей и социальных стереотипов является одним из самых непрозрачных процессов. С одной стороны, СМИ, формируя общественное мнение в национальном масштабе, открыто и повсеместно используют маленькую ложь во имя победы великой правды. С другой стороны, одним из самых эффективных, а потому и распространенных методов воспитания детей оказывается родительская ложь. Так существует ли разница между обманом и правдой, ложью и истиной, и в чем она заключается? Насколько хорошо работает ложь как воспитательный инструмент, средство социализации и постановки максимальной цели личности? А может быть, правда – это просто лишь изнанка лжи? Чтобы ответить на вопрос о пользе и вреде лжи в мире взрослых, нужно понять, есть ли правда в родительской лжи. Действительно ли родительская ложь способствует детскому послушанию и формированию у детей понимания этической ценности правды? Каково долгосрочное влияние родительского обмана на восприятие ребенком себя самого и своих родителей? Может ли быть оправдана родительская ложь и что вместо обмана может помочь родителям в воспитании детей? Ища ответ у Монтеня, Канта и Ницше, а также опираясь на результаты анализа новейших социологических, антропологических и психологических исследований, автор отстаивает точку зрения, согласно которой, ни полуправда, ни ложь не являются эффективными методами утверждения нравственных принципов.

Ключевые слова: Этика, нравственные принципы, философская антропология, переоценка ценностей, формирование идеалов, социальные стереотипы, детская ложь, родительский обман, правда

Хочет ли кто-нибудь взглянуть сверху на тайну того, как на земле фабрикуются идеалы? У кого хватит духу на это?

Ф. Ницше. К генеалогии морали

Зима 2014–15 гг. войдет в интеллектуальную историю нашей страны как время громких дискуссий о праве на ложь. «Все великие повороты в истории – времена большой лжи», – обмолвился как-то один из популярных отечественных политтехнологов, а потом, размышляя о том, что Россия, став правопреемницей СССР и Российской империи, взвалила на себя непосильный груз долгов, обязательств, стереотипов и мифологем, тяготеющих обернуться трагической реальностью, добавил: «но никто не обманывался без встречного самообмана...»¹. Где же пролегает грань между обманом и правдой, ложью и истиной, и есть ли она? А может быть, правда – это просто изнанка лжи? Полезно или вредно ложь для жизни?

Главное производство современного мира – изготовление массовых представлений людей о происходящем: «правильных картин мира». Приоритеты и социальные стереотипы задаются в семье – воспитанием детей, а в общенациональном масштабе – культурной традицией. В России сегодня интересно наблюдать за процессом изобретения традиций: переосмыслением и формированием представлений людей о прошлом, настоящем, о государстве, семье, достоинстве, верности, жертвенности, героизме, терпимости к насилию, о значении кредо «жить не по лжи».

«Скверный воздух! Скверный воздух! Эта мастерская, где фабрикуют идеалы, – мне кажется, она вся провоняла ложью!»², – сокрушался Ницше полтора века назад. А что же сегодня? Кто и в каких цехах конструирует реальность и идеалы?

Производство ценностей остается одним из самых непрозрачных в мире. Все мы свидетели успешной деятельности отечественных медиа по проектированию общенародного одобрения политики российской власти. И маленькая ложь тут повсеместно используется во имя победы великой правды. Таким образом, сформулированная Иммануилом Кантом предельно ясно «священная, безусловно повелевающая и никакими внешними требованиями не ограничиваемая заповедь разума»: «во всех показаниях быть правдивым (честным)»³, – игнорируется открыто. По данным социологических опросов текущего года 59 % россиян не доверяют никому, кроме собственной семьи. Больше 70 % считают, что правду следует цензурировать, если она угрожает национальным интересам государства. И, наконец, только 20 % граждан голосуют за высказывание «правды, какой бы она ни была».

Для форматирования консолидированного взгляда людей на реальность повседневности медиатедемиурги извлекают на поверхность оперативного сознания и наполняют сфокусированным содержанием ценности, мировоззрен-

¹ Павловский Г. Исповедь Путина: на что мы готовы ради уважения // РБК. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/10/11/2014/545cdf6bcbb20fa1c001da99> (дата обращения: 15.02.2015).

² Ницше Ф. К генеалогии морали // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. / Под ред. И.А. Эбанонидзе. Т. 5. М., 2012. С. 234.

³ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Кант И. Собр. соч.: в 8 т. / Под ред. А.В. Гулыги. Т. 8. М., 1994. С. 260.

ческие взгляды, модели будущего, подсознательные ментальные предписания разных слоев общества. Грань между миром онлайн и оффлайн давно утрачена. Человек без доступа к телевизору, интернету, телефону, смартфону выброшен из реальности. Однако вопросов становится все больше: «Как измерять создаваемый СМИ контент, как объективно его описывать, оценивать, проектировать? Что позволительно с моральной точки зрения здесь делать, а что нет? Какие тут имеются профессиональные табу, тематические или жанровые самозапреты?»⁴. Наконец, насколько хорошо работает ложь как воспитательный инструмент, средство социализации и постановки максимальной цели личности? Может ли быть правда – изнанкой обмана?

Является ли ложь условием жизни?

Полуправда-полуложь не эффективный метод утверждения реальности и нравственных принципов. Это наиболее очевидно на примере родительской лжи. Традиционно одним из распространенных ходов воспитания подрастающего поколения (в частности разоблачения детского обмана) оказывается родительская ложь. При этом ее отрицательные последствия на поверхности: переживание страха, беспокойство, боль одиночества и чувство покинутости, растущие в душе ребенка под действием родительских угроз и удесятеренные детским воображением.

Чтобы ответить на вопрос о пользе и вреде лжи в мире взрослых, нужно понять, есть ли правда в родительской лжи. Действительно ли родительская ложь способствует детскому послушанию и формированию у детей понимания этической ценности правды? Каково долгосрочное влияние родительского обмана на восприятие ребенком себя самого и своих родителей? Может ли быть оправдана родительская ложь и что вместо обмана может помочь родителям в воспитании детей?

Детская ложь и праведный гнев взрослых – классический стереотип традиционной парадигмы воспитательного процесса, вызвавший к жизни и продолжающий порождать огромное количество педагогических исследований, рекомендаций психологов и нравоучительных художественных текстов, призванных убедить в том, что отклонение ребенка от преданного служения «доброй, умной и вечной» правде – признак либо порочности, либо психического расстройства. Для Канта, определившего классическую моральную парадигму, принцип «не лги» абсолютен и сакрален. Для философа недопустимы какие бы то ни было оправдания обмана, поскольку «ложь представляет собой преступление против человечества, действия, основанные на лжи, не отвечают принципу всеобщности, и, идя на ложь, человек нарушает долг как перед тем, к кому ложь обращена, так и перед самим собой как разумным существом»⁵.

Хрестоматийным текстом для такого подхода может служить басня Льва Толстого «Лгун»: «Мальчик стерег овец и, будто увидав волка, стал звать: “Помогите, волк! волк!”. Мужики прибежали и видят: неправда. Как сделал он так и два и три раза, случилось – и вправду набежал волк. Мальчик стал кричать: “Сюда, сюда скорей, волк!” Мужики подумали, что опять по всегдашнему об-

⁴ Дондурей Д.Б. ТВ: без анализа // Искусство кино. 2014. № 4. С. 4.

⁵ Апресян Р.Г. О праве лгать // Логос. 2008. № 5 (68). С. 5.

манывает, – не послушали его. Волк видит, бояться нечего: на просторе перерезал все стадо»⁶. Запрет на ложь при таком подходе рассматривается как залог и условие социализации ребенка, а задача родителей состоит в том, чтобы внушить детям, что обманывать плохо при любых обстоятельствах.

Такой подход во многом логически следовал из традиционной системы образования, одна из задач которой состояла в подготовке из учеников законопослушных, лояльных, начальства- и/или богобоязненных подданных государства. Основная педагогическая доктрина была направлена на запоминание и воспроизведение материала. Творческие способности учеников не активизировались, любая самостоятельная активность не поощрялась. Вред от подобного подхода к образованию был очевиден еще Платону, предупреждавшему, что ученость чисто книжного происхождения – жалкая ученость, она не больше, чем украшение, но никак не фундамент.

Уже в XVI в. размышлявший над природой человеческого духа в ходе анализа и синтеза данных собственного жизненного опыта Мишель де Монтень утверждал: «Самое главное в воспитании – это привить вкус и любовь к науке; иначе мы воспитаем просто ослон, нагруженных книжной премудростью. Поощряя их ударами розог, им отдают на хранение торбу с разными знаниями, но для того, чтобы они были действительным благом, недостаточно их держать при себе, – нужно ими проникнуться»⁷. В главе «О воспитании детей», из знаменитых «Опытов», Монтень, наставляя свою добрую приятельницу графиню де Гюрсон в том, как ей следует воспитывать сына, первостепенное внимание уделял свободе самовыражения ребенка и развитию самостоятельности его мышления, а также способности учителя снизить до увлечений воспитанника и руководить ими: «Я не хочу, чтобы наставник один все решал и только один говорил; я хочу, чтобы он слушал также своего питомца. Сократ, а в последствии и Аркесилай заставляли сначала говорить учеников, а затем уже говорили сами. *Obest plerumque iis qui discere volunt auctoritas eorum, qui docent* – “Желающим научиться чему-либо чаще всего препятствует авторитет тех, кто учит”⁸. И дальше: «Пусть учитель спрашивает с ученика не только слова затверженного урока, но смысл и саму суть его и судит о пользе, которую он принес, не по показаниям памяти своего питомца, а по его жизни... Кто рабски следует за другим, тот ничему не следует. Он ничего не находит; да ничего и не ищет. *Non sumus sub rege; sibi quisque se vindicet* – “Над нами нет царя; пусть же каждый сам располагает собой (Сенека. Письма)”⁹. Цель образования, по мнению Монтеня в том, чтобы мудрые суждения перестали бы быть для ученика чем-то внешним и сделались бы его собственными мнениями.

Наконец, уже к началу XX в., установка на зубрежку и беспрекословное послушание старшим стала казаться все более уязвимой. Классическая парадигма образования начала меняться, а с ней изменилась и интерпретация детской лжи. Наряду с суждениями Монтеня и Канта о недопустимости любого обмана как действия, не подлежащего оправданию и несовместимого с человеческим достоинством и гордостью, стали популярны менее категоричные суждения в духе размышлений о лжи Ницше: «Почему в большинстве случаев

⁶ Толстой Л.Н. Лгун // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 20 т. Т. 10. М., 1963. С. 21.

⁷ Монтень М. Опыты. М., 2006. С. 101.

⁸ Там же. С. 51.

⁹ Там же. С. 53.

люди в ежедневной жизни говорят правду? – Разумеется, не потому, что некий бог запретил ложь. А потому, что, во-первых, так удобнее; ведь ложь требует изобретательности, притворства и памяти... Во-вторых, потому, что в простых обстоятельствах выгоднее прямо заявить: я хочу того-то, я сделал то-то, и тому подобное; иными словами, потому, что путь нажима и авторитета надежней, чем путь хитрости. – Но уж если ребенок вырос в сложных семейных условиях, то он столь же естественно орудует ложью и всегда непроизвольно говорит то, что отвечает его интересам; любовь к правде, отвращение к всяческой лжи чужды и недоступны ему, а потому и лжет он совершенно невинно»¹⁰.

Но и выросшему в любви и доверии ребенку непросто, даже и вовсе невозможно следовать исключительно путем правды, избегая лжи и противясь обману. Ведь в повседневной реальности мало кто из окружающих нас людей действительно готов к правде. В одном из писем своему учителю Ричлю, мягко раскритиковавшему диссертацию своего любимого ученика «Рождение трагедии из духа музыки» (1872), молодой Ницше замечал, с благодарностью, что высказать правду намного труднее, чем ее выслушать. Говорить правду другим – большой и очень редкий талант. Тут нужна высочайшая степень деликатности, чтобы, с одной стороны, не оскорбить другого избытком комплиментов и восхищения, а с другой – не ранить, а то и уничтожить неприятием и отрицательной оценкой. Нередко бывает и так, что негативное мнение – ошибочно, но, высказав его, мы уже тем самым привели свой скороспелый приговор в исполнение.

Очень часто окружающие отказываются верить в то, что им говорят именно тогда, когда в правде нет сомнений. Правда индивидуальна, принципиально не подгоняема под социальные и бытовые стереотипы большинства. Аристотель в «Никомаховой этике», говоря о достойной и величавой личности, подчеркивал, что неизменным атрибутом Достойного является свойство всегда говорить правду, за исключением притворства перед толпой. Выходит, что индивидуальность правды делает различие правды и лжи почти невозможным, значит, придется согласиться и с тем, что любое чужое мнение – ложь. А может быть, ложь и есть правда, а правда – всего лишь лицемерие?

Разрешение этой, казалось бы неразрешимой, антиномии не составляло безнадежной проблемы для древних. Для Гераклита было очевидным, что обман и игра – удел мира нижнего, дольного, здешнего мира вещей, истина же – достояние мира горнего, надприродного. Платон, глубоко знавший и ценивший философию Гераклита, уделял большое внимание гераклитовской метафоре «книги природы»: «Согласно парафразе Платона логос может быть истинным (ἀληθής) или ложным (ψευδής). Это точно соответствует гераклитовскому учению о том, что «этот логос» (видимый мир), прочитанный правильно, есть одно, а прочитанный неправильно есть многое. Платон одновременно комбинирует гераклитовскую метафору космического логоса с засвидетельствованным для Гераклита в независимых источниках дуализма небесного\земного или надлунного\подлунного мира. Как и у Гераклита, феноменальный мир множества соотносится с поэтическим вымыслом (μῦθοι καὶ ψεῦδη), а божественный мир – с философской истиной»¹¹.

¹⁰ Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 2 / Под ред. И.А. Эбаноидзе. М., 2011. С. 66.

¹¹ Лебедев А.В. Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым крит. изд. фрагментов). СПб., 2014. С. 464.

Индивидуальность, а следовательно, множественность правды земного подлунного мира ставит различие правды и лжи в повседневности на грань возможного. Откровением о хрупкости, уязвимости и личностном опыте правды является знаменитое стихотворение Ф.И. Тютчева «*Silentium*» (Молчание! – лат.):

Молчи, скрывайся и таи
И чувства и мечты свои –
Пуškai в душевной глубине
Встают и заходят оне
Безмолвно, как звезды в ночи, –
Любуйся ими – и молчи.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.
Взрывая, возмутишь ключи, –
Питайся ими – и молчи.

Лишь жить в себе самом умей –
Есть целый мир в душе твоей
Таинственно-волшебных дум;
Их оглушит наружный шум,
Дневные разгонят лучи, –
Внимай их пенью – и молчи!..¹².

Однако жизнь без самовыражения, вне диалога, откровения, жизнь лишенная «голоса друга» как окна в метафизический мир, – невозможна. В одном из писем к своему товарищу – историку культуры М.О. Гершензону поэт-символист В.И. Иванов признавался: «Я не принадлежу к тем запуганным, которые все изреченное мнят ложью. Я привык бродить в “лесу символов”, и мне понятен символизм в слове не менее, чем в поцелуе любви. Есть внутреннему опыту словесное знаменование, и он ищет его, и без него тоскует, ибо от избытка сердца глаголят уста. Ничем лучшим не могут одарять друг друга люди, чем уверяющим ясноведанием своих хотя бы только предчувствий или начатков высшего, духовнейшего сознания. Одного надлежит остерегаться: как бы не придать этим сообщениям, этим признаниям характер принудительности, т. е. не обратить их в достояние рассудка»¹³.

Вспомним знаменитое *credo quia absurdum* («верую, ибо абсурдно» – лат.) из сочинения Тертуллиана *De Carne Christi* («О плоти Христа» – лат.): «Сын Божий рожден распят – это не стыдно, ибо достойно стыда; и умер Сын Божий – это совершенно достоверно, ибо нелепо; и, погребенный, воскрес – это несомненно, ибо невозможно»¹⁴. Этот классический пример с очевидностью демонстрирует принудительность рассудка, выставяющего, всей мощью формальной непротиворечивости, правду – ложью.

Существует ли грань между мифом и реальностью? Даже если допустить, что Троянская война разыгралась лишь в воображении Гомера, а гений Шекспира – плод коллективного творчества, это ничего не может изменить в мире, где

¹² Тютчев Ф.И. *Silentium* // Тютчев Ф.И. Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 2002. С. 123.

¹³ Иванов В.И., Гершензон М.О. Переписка из двух углов. // Гершензон М. Избранное: в 4 т. Т. 4. М., 2000. С. 23.

¹⁴ Столяров А.А. Стоя и стоицизм. М., 1995. С. 331.

оба эти феномена есть плоть от плоти нашей культуры. Нет ничего более разрушительного как для частной жизни, так и для человеческого сообщества в целом, чем слепое следование принципам *par excellence*. XX в. доказал, что исполнение принципа ради принципа – путь в тупик, более того, – выбор в пользу «банальности зла». Правда и ложь становятся собой в зависимости от обстоятельств. В жизни нет ничего неизменного. Критериями истины в мире дольнем служат не ложь и правда, а наличие любви, достоинства и отсутствие мщения.

Один из авторитетнейших рыцарей истины – Мишель де Монтень никогда не был бескомпромиссным ригористом в вопросе правды. Вспоминая собственное детство, Монтень писал, что своим увлечением книгами он обязан лукавой мудрости домашнего наставника, который умел закрывать глаза на прегрешения маленького Мишеля, читавшего Овидия, Вергилия, Теренция, Плавта и итальянские комедии, увлекавшие его занимательностью своего содержания, вместо заучивания уроков. Монтень вспоминал: «Если бы наставник мой проявил тупое упорство и насильственно оборвал мое чтение, я бы вынес из школы лишь лютую ненависть к книгам, как это случается почти со всеми нашими молодыми дворянами. Но он вел себя весьма мудро. Делая вид, что ему ничего не известно, он еще больше разжигал во мне страсть к поглощению книг, позволяя лакомиться ими только украдкой и мягко понуждая меня выполнять обязательные уроки. Ибо главные качества, которыми, по мнению отца, должны были обладать те, кому он поручил мое воспитание, были добродушие и мягкость характера»¹⁵.

Начиная с последней четверти XX в. в литературе все чаще можно встретить следующее понимание лжи и обмана¹⁶: обман не является чем-то противным человеческой природе, более того, представляет собой ее неотъемлемую часть. Во многом благодаря лжи стала возможна эволюция человеческого вида. С помощью лжи люди берегут чувства друг друга. Люди, умеющие хорошо врать, гораздо более уравновешенны, чем многие из тех, кто придерживается принципа говорить правду в любой ситуации и всем без исключения. Быть предельно честным даже с самим собой никому не по силам. Самообман нередко помогает карьерному росту, хорошему самочувствию и добрым отношениям с окружающими. Без уловок и прямого обмана люди становятся больными, впадают в депрессию и даже могут сойти с ума¹⁷.

Говоря о трансформации в течение последнего полувека отношения ко лжи как антиценности, несущей человечеству вред, до восприятия лжи как относительной ценности, приносящей пользу, следует упомянуть и об одной тенденции в антропологии.

В конце 1970-х гг. изучавший когнитивные навыки приматов кембриджский профессор психологии Николас Хамфри опубликовал статью «Социальная функция интеллекта»¹⁸, ставшую одной из ключевых работ в современной

¹⁵ Монтень М де. Опыты. М., 2006. С. 98.

¹⁶ Различая понятия «ложь» и «обман», следует заметить, что наиболее часто обман представляет собой набор приемов, с помощью которых легко сбить с толку: это может быть и тембр голоса, и улыбка, и фальшивая монета. Ложь определяется как неверное утверждение, сделанное с намерением ввести кого-то в заблуждение, представляя собой вербальную форму обмана.

¹⁷ См. об этом: Лесли И. Прирожденные лжецы. Мы не можем жить без обмана. М., 2012.

¹⁸ Humphrey N. The Social Function of Intellect // Growing Points in Ethology, ed. P.P.G. Bateson and R.A. Hinde. Cambridge, 1976. P. 303–317.

эволюционной психологии. Позже из этой шумевшей статьи вырос фундаментальный труд Хамфри о творческом интеллекте *Consciousness Regained: Chapters in the Development of Mind* (1983). В своих исследованиях эволюции человеческого разума ученый подверг сомнению традиционные представления о том, что главными импульсами к развитию человеческого рода служили тяжелый труд и техническая изобретательность наших предков в борьбе за выживание в окружающей среде. Решающую роль, по мнению Хамфри сыграло другое обстоятельство: обретение способности предвидеть события и рационализировать свои рассуждения. Эту способность, сформировавшуюся при решении проблем, связанных с общественной жизнью в период палеолита, ученый назвал «социальным (или творческим) интеллектом».

Концепция социального интеллекта была развита шотландским коллегой Николаса Хамфри Ричардом Берном¹⁹, изучавшим взаимосвязь между разумом и склонностью к обману. Сгруппировав различные виды обмана в четыре блока: передразнивание, притворство, утайка и отвлечение внимания, и рассмотрев мотивации, характерные для каждой из групп, Берн сделал вывод о том, что решающую роль в эволюции человеческого рода сыграли необходимость коммуникации и взаимодействия в больших группах, залогом которых служит предрасположенность к обману.

Британский антрополог Робин Данбар, исследовавший в 1990-х гг. связь, с одной стороны, между уровнем развития новой коры больших полушарий головного мозга и, с другой, размером стаи и степенью сложности отношений в группе приматов, сумел вывести математическую зависимость между развитием неокортекса (внешнего слоя головного мозга, отвечающего за абстрактное мышление, рефлексии и долгосрочное планирование) и размером стаи. Ученый доказал, что два миллиона лет назад у первобытных людей активнее всего развивалась та область головного мозга, которая ответственна за социальные связи.

Результатом дальнейшей разработки концепции социального интеллекта стала опубликованная Данбаром в 2010 г. монография²⁰, представлявшая количественный анализ постоянных социальных связей, которые человек в состоянии поддерживать. Это число получило название «Число Данбара».

Основываясь на результатах изучения развития человеческого мозга, Данбар показал, что условием поддержания коммуникационных связей является знание отличительных черт индивида, его характера, а также социального статуса, что требует значительных интеллектуальных способностей. Размер человеческого мозга позволяет определиться с приемлемой для нас социальной группой: «число Данбара» лежит в диапазоне от 100 до 230, оптимальным считается 150. Для проверки своей теории Данбар использовал данные антропологии. Его гипотезу подтверждает тот факт, что размеры неолитических поселений не превышали 200 человек. Средние размеры деревень традиционных поселений также колеблются в предположенных ученым пределах.

Суммируя общую тенденцию в оценке феномена лжи сегодня, можно заключить, что ложь не рассматривается больше как явление, противное человеческой природе, а скорее предстает как ее неотъемлемая часть.

¹⁹ Byrne R. *The Thinking Ape: Evolutionary Origins of Intelligence*. Oxford, 1995.

²⁰ Dunbar R. *How Many Friends Does One Person Need: Dunbar's Number and Other Evolutionary Quirks*. L., 2010.

Самыми толерантными при оценке пользы и вреда лжи для жизни оказываются специалисты по психологии развития и детской психологии. Начиная с последней четверти XX в. в европейской и американской детской психологии, детский обман интерпретируется как свидетельство нормального психологического развития ребенка: проявление социальной адаптации, показатель отсутствия признаков аутизма²¹, не говоря уж о том, что детская ложь выступает свидетельством наличия творческих способностей малыша. Несколько утрируя ситуацию, можно сказать, что, вероятно, мы можем радоваться первой лжи малыша также, как первым сделанным им шагам.

Известно, что дети начинают говорить неправду приблизительно с того же времени, как более-менее сносно осваивают речь. Между вторым и четвертым годами жизни детская ложь обычно очень проста и служит преимущественно в корыстных целях: например, для того, чтобы избежать наказания или скрыть какой-нибудь незначительный проступок. Приблизительно в возрасте от трех с половиной до четырех с половиной лет дети начинают обманывать все с большим энтузиазмом и становятся гораздо более опытными обманщиками.

Категорическое требование к ребенку «Не лги никогда!» ставит ряд вопросов, от наиболее дискутируемого сегодня: «Является ли детская ложь абсолютным злом или относительным благом?», и до практически табуированного: «Насколько эффективна и какие негативные последствия несет в себе родительская ложь?».

Родительская ложь как кратчайший путь к сердцу ребенка

Парадоксально, но сегодня одним из самым эффективных, а потому и распространенных методов воспитания подрастающего поколения (в частности разоблачения детского обмана) оказывается родительская ложь. Пытаясь научить своих детей, что лгать нехорошо, родители разных культур, вероисповеданий и политических симпатий как в традиционных, так и постиндустриальных обществах и на Востоке, и на Западе без колебания обманывают своих чад.

Самое же удивительное в феномене родительской лжи то, что необыкновенная распространенность повседневных небылиц умудряется существовать параллельно с постоянно декларируемым нравственным принципом о том, что честность – это одно из главных достоинств человека и говорить неправду нехорошо. Очевидно, что дети, наблюдая за тем, как их родители используют обман для достижения своих целей, могут начать копировать поведение родителей, оправдывая свою ложь их примером, или стараться действовать по двойным стандартам.

²¹ Саймон Барон-Коэн, профессор психологии развития Кембриджского университета, один из ведущих мировых специалистов в области изучения аутизма, первым обнаружил недостаток способности к «чтению мыслей» у детей, страдающих аутизмом, описав его как «ключевой познавательный дефицит». См.: *Baron-Cohen S. Autism and Asperger Syndrome: The Facts.* Oxford, 2008. Аутисты не могут уследить за ходом мыслей другого человека, поскольку не видят разницы между своими мыслями и мыслями других людей, не понимают, что у других людей есть «свои» скрытые мысли и чувства, что каждый человек обладает собственным взглядом на реальность. По этой причине аутистам почти невозможно ввести кого-то в заблуждение. Сама идея того, что кто-то пробует обмануть их, скрыть от них что-то, приводит их в изумление.

В 2012 г. «International Journal of Psychology» опубликовал совместное исследование международной группы психологов из Калифорнийского университета Сан-Диего (США), Педагогического университета Чжэцзян (Китай) и Института изучения ребенка университета Торонто (Канада), поднимающее вопрос о связи родительской лжи с трудностями воспитания моральных ценностей у ребенка²². В рамках исследования было опрошено 200 семейных пар (среди которых 114 американских семей и 85 китайских), в итоге чего были получены следующие результаты: в 84 % американских и 98 % китайских семей родители систематически говорят своим детям неправду, чтобы добиться от них послушания и хорошего поведения.

Рассмотрим те из вариантов обмана, наблюдаемых в повседневной жизни, к которым взрослые прибегают наиболее часто для того, чтобы повлиять на поведение детей. Очевидно, что каждый испытывал на себе фальшивые аргументы, приведенные ниже, а многие, не сомневаюсь, и сами прибегали к ним в воспитательных целях при общении с малышами. В этом списке лидируют пять категорий лжи:

1. Ложь о еде («Если ты не будешь есть каждое утро кашу, никогда не станешь высоким») или («Если ты проглотишь вишневую косточку, у тебя в животе вырастет вишневое дерево»);

2. «Я сейчас уйду»-ложь («Если ты не пойдешь со мной, я уйду одна, а тебя заберет злой дядя», «Не хочешь гулять в парке, тогда я буду гулять один, а тебя посажу на автобус и отправлю домой одну»);

3. Ложь о наказании («Если ты не перестанешь так себя вести, я позову милиционера и он тебя накажет», «Будешь так шалить, выброшу тебя в море к рыбам, пусть они тебя съедят»);

4. Ложь о деньгах («Я сейчас не взяла с собой достаточно денег, чтобы купить эту игрушку, мы придем за ней в этот магазин на следующей неделе»);

5. Ложь о лжи («Если ты будешь меня обманывать, у тебя вырастет длинный нос»).

Остальные варианты также распространены, но практикуются менее часто:

6. Контролирующая ложь («Я сейчас посмотрю видео со скрытой камеры и увижу, кто это сделал, так что лучше сразу скажи мне, ты это натворил или нет») или «Игрушки нужно сложить на место, чтобы они отдохнули, иначе завтра они будут слишком уставшими, чтобы играть»);

7. Ложь в неловкой для родителей ситуации («Малыш, детей приносит аист» или «Твоя собака уехала жить в деревню, там ей лучше на свежем воздухе»);

8. Ложь ради исправления родительских ошибок («Зубная фея не пришла? Не волнуйся, сейчас я напишу ей письмо, она должна прийти сегодня вечером»);

И, наконец, варианты «позитивной», или как ее часто называют «белой» лжи:

9. Ложь-похвала («У тебя отлично получился этот рисунок»), даже в случае очевидной неудачи эта ложь призвана подбодрить ребенка и заинтересовать.

10. Ложь-поддержка («Это не твоя вина, что тарелка разбилась, она уже давно была старой и негодной, я все равно собирался купить другую»).

Почему родители обманывают детей? Думаю, аргументов «за» ложь во имя «высоких целей» можно привести множество. Очевидно, что в большинстве случаев лгут «традиционно», «по привычке». В повседневной жизни,

²² Heyman G., Hsu A., Fu G., Lee K., Jackman E. Instrumental lying by parents in the US and China // International Journal of Psychology. 2012. № 1. P. 1–9.

как и в культуре, существуют устойчивые стереотипы поведения родителей и детей, которые воспроизводятся без какой-либо критической рефлексии. Родители прибегают к обману от душевной лени или в стрессовой ситуации, полагая, что ложь самая «разумная», простая и доходчивая форма объяснения детям того, как должно себя вести, и что такое «хорошо», а что такое «плохо». Кто-то считает, что ложь экономит время (не нужно пускаться в долгие объяснения). Кто-то уверен, что понять правду малышу слишком сложно. Кто-то оправдывает вранье экономией семейного бюджета. Нередко родители полагают, что их обман щадит нервную систему ребенка, оберегая его от лишних переживаний и самокопаний. Многие родители уверены, что их фальшивые аргументы полностью лишены негативного влияния на детей и даже и не могут расцениваться как обман в силу своего очевидного положительного эффекта. Другие полагают, что с возрастом дети поймут смысл воспитательных уловок родителей и будут видеть символический смысл в их фальшивых поучениях²³.

Несмотря на широкое признание положительного влияния родительского обмана на воспитание детей, эта практика представляется мне во многом порочной. Не составляет труда представить отрицательные последствия родительской лжи: это боль одиночества и чувство покинутости, растущие в душе ребенка под действием родительских угроз и удешевленные детским воображением, это и отчаяние как следствие сомнений, перерастающих в недоверие к той информации, которая исходит от родителей, это и возможные конфликты со своими сверстниками, которым ребенок чистосердечно сообщает фальшивую информацию от своих родителей, будучи уверенным в ее правоте и корректности, информацию, которую он станет отстаивать в споре с теми, кто сомневается в истинности сказанного родителями ребенка. Естественно, что такие ситуации разочарования в компетентности или правдивости родителей не будут способствовать надежности и крепости межпоколенческих отношений и доверию в семье. Маловероятно, что родительская ложь будет интерпретирована детьми как проявление родительской любви и заботы. Очевидно, что родительский обман в молодые годы станет импульсом к лживому поведению уже выросших детей. Родительская ложь искажает самооценку ребенка, его самоидентичность, отношение к людям и окружающему миру в целом.

Остается много открытых вопросов о том, действительно ли родительская ложь способствует детскому послушанию и формированию у детей понимания этической ценности правды. Каково долгосрочное влияние родительского обмана на восприятие ребенком себя самого и своих родителей? Может ли быть оправдана родительская ложь и что вместо обмана может помочь родителям в воспитании детей?

²³ Об этом см.: *Camden C.T., Motley M.T., Wilson A. Whites Lies in Interpersonal Communication: a Taxonomy and (Preliminary) Investigation of Social Motivations // Western Journal of Speech Communication. 1984. № 48. P. 309–325; De Paulo B.M., Kashy D.A. Everyday Lies in Close and Casual Relationships // Journal of Personality and Social Psychology. 1998. № 74. P. 63–79; Kind A. Creative mothering: Lies and the Ling Mothers Who Tell Them // Motherhood: The birth of wisdom. Chichester (UK), 2010. P. 29–40.*

Рождение идеала правды из духа лжи

Классическая детская литература полна примеров обмана детей взрослыми, совершаемого ради воспитания в детях честности и других добрых качеств. Приведу несколько примеров.

Рассказы для детей великого моралиста Льва Толстого – лучший источник, подтверждающий мое наблюдение.

Лев Толстой написал хрестоматийный детский рассказ «Косточка», который учит «разумному, доброму и вечному», а именно: таскать сливы и воровать нехорошо, но уж если стащил – лучше самому сознаться, ведь все равно взрослые тебя выведут на чистую воду, но устыдят, а то еще и посмешищем сделают. Отец, разоблачая обман сына, сам прибегает ко лжи: *кто проглотит косточку, тот через день умрет*.

Поскольку притча «Косточка» укладывается всего в несколько строк, приведу ее целиком:

«Купила мать слив и хотела их дать детям после обеда. Они лежали на тарелке. Ваня никогда не ел слив и все нюхал их. И очень они ему нравились. Очень хотелось съесть. Он все ходил мимо слив. Когда никого не было в горнице, он не удержался, схватил одну сливу и съел. Перед обедом мать сочла сливы и видит, одной нет. Она сказала отцу.

За обедом отец и говорит: «А что, дети, не съел ли кто-нибудь одну сливу?» Все сказали: «Нет». Ваня покраснел как рак, и сказал тоже: «Нет, я не ел».

Тогда отец сказал: «Что съел кто-нибудь из вас, это нехорошо; но не в том беда. Беда в том, что в сливах есть косточки, и если кто не умеет их есть и проглотит косточку, то через день умрет. Я этого боюсь».

Ваня побледнел и сказал: «Нет, я косточку бросил за окошко». И все засмеялись, а Ваня заплакал»²⁴.

Рассказ Толстого стал объектом многочисленных литературно-психологических экспериментов. В числе наиболее ярких я бы назвала тексты Вадима Руднева и Линор Горалик. В «Шизофреническом дискурсе» Руднев прочитывает «Косточку» Толстого как «как развертку Эдиповой ситуации» и вариант идеи первородного греха. Тут мало что важно для нашей проблемы за исключением, пожалуй, часто упоминающейся в литературе о феномене лжи, интерпретации истории о запретном плоде как варианта божественной лжи. Ведь бог говорит Адаму и Еве, что вкусивший от древа познания умрет, однако они, вкусив плод, не умирают. Правда, в итоге, будучи изгнанными из рая, они лишены бессмертия. Но такая интерпретация лжи кажется мне слишком вульгарной и неоправданной.

Куда как интереснее версия Линор Горалик, которая сыграла с текстом Толстого забавную шутку, взглянув на него глазами Владимира Сорокина. В 2001 г. Линор Горалик опубликовала небольшое эссе под названием «Соматизация». (Соматизация – это бегство в болезнь, своего рода «отелеснивание» негативных эмоций, приводящее к возникновению дискомфортных телесных ощущений, а при их длительном существовании – разнообразных нарушений со стороны внутренних органов). В версии Линор Горалик рассказ перестает быть моралистическим и превращается в мрачное невротиче-

²⁴ Толстой Л.Н. Косточка: Быль // Толстой Л.Н. Собр. соч.: в 22 т. Т. 10. М., 1963. С. 40–41.

ское повествование. Ложь отца убивает Ваню. Что если мальчик не выбросил косточку, а проглотил ее? Услышав от отца, что жить ему осталось лишь до завтра, Ваня испытывает чудовищные муки, представляя, как отправится в ад за свою ложь. Ребенок говорит родителям, что косточку не глотал, чтобы их не расстраивать и в муках угасает на следующее утро на руках родителей и врача, не обращая внимания на их заверения, что проглоченная косточка не может привести к смерти, что слова отца были лишь уловкой, цель которой – устыдить обманщика.

Следующий хрестоматийный нравоучительный текст, в котором обман взрослых призван помочь воспитанию детей, возьмем из популярной советской литературы, из серии «Мои первые книжки». История «Общество чистых тарелок» (1922) – классический текст из сборника «Ленин и дети», написанного известным этнографом и соратником Ленина Владимиром Бонч-Бруевичем. Есть версия, согласно которой истинным героем историй Бонч-Бруевича о «друге всех детей» был его дед Казимир – профессор Университета в Вильно. Именно он посоветовал внуку, рассказы которого не печали советские журналы, внести в тексты правку – заменить имя героя, дедушки Казимира, на вождя всемирного пролетариата Владимира Ильича Ульянова-Ленина. Расчет был прост – в стране победившей пролетарской революции ни один редактор не посмел бы «завернуть» произведение о вожде мирового пролетариата. Уже через два месяца рассказы Бонч-Бруевича о «самом человечном человеке В.И. Ленине» стали хитом и продолжали оставаться таковым на протяжении более полувека.

Сюжет этой истории знаком старшим поколениям россиян с раннего детства:

Все расселись вокруг стола на террасе. За столом было трое детей: две девочки и мальчик. Они подвязали салфетки и тихо сидели, ожидая, когда им подадут суп. Владимир Ильич посматривал на них и тихонько разговаривал. Вот подали суп. Дети ели плохо, почти весь суп остался в тарелках. Владимир Ильич посмотрел неодобрительно, но ничего не сказал. Подали второе. Та же история: опять почти все осталось на тарелках.

– А вы состоите членами общества чистых тарелок? – вдруг громко спросил Владимир Ильич, обращаясь к девочке Наде, которая сидела рядом с ним.

– Нет, – тихонько ответила Надя и растерянно посмотрела на других детей.

– А ты? А ты? – обратился он к мальчику и девочке.

– Нет, мы не состоим, – ответили дети.

– Как же это вы? Почему так запоздали?

– Мы не знали, мы ничего не знали об этом обществе! – торопясь говорили дети.

– Напрасно. Это очень жаль! Оно давно уж существует.

– А мы не знали!.. – разочарованно сказала Надя.

– Впрочем, вы не годитесь для этого общества. Вас все равно не примут, – серьезно сказал Владимир Ильич.

– Почему? Почему не примут? – наперебой спрашивали дети.

– Как «почему»? А какие у вас тарелки? Посмотрите! Как же вас могут принять, когда вы на тарелках все оставляете?

– Мы сейчас доедим! – И дети стали доедать все, что у них осталось на тарелках

– Ну, разве что вы исправитесь, тогда попробовать можно. Там и значки выдают тем, у кого тарелки всегда чистые, – продолжал Владимир Ильич.

– И значки!.. А какие значки? – расспрашивали дети, – Как же поступить туда?

– Надо подать заявление.

– А кому?

– Мне.

Дети попросили разрешения встать из-за стола и побежали писать заявление.

Через некоторое время они вернулись на террасу и торжественно вручили бумагу Владимиру Ильичу

Владимир Ильич прочел, поправил три ошибки и надписал в углу: «Надо принять»²⁵.

Существует внушительный пласт религиозной литературы подобного рода. В рубрике «Поучительные рассказы» на сайте «Возрождение», детские рассказы на сайте «Предание.ру» («Ложь без слов», «Находка» и т. д.).

О последствиях лжи во имя правды

Очевидно, что ложь не является эффективным методом утверждения нравственных принципов. Обман не может стать способом доказательства того факта, что честность – это одно из главных достоинств человека и говорить неправду нехорошо. Привычные социальные стереотипы, такие как утверждение того, что ложь как воспитательный инструмент, оправдывающее себя средство для социализации ребенка и постановки максимальной цели личности, продолжают уводить нас в бесконечный лабиринт обреченного на неудачу поиска абсолютных ценностей. Уже второе столетие не смолкают споры о том, прав ли был Кант утверждая, что определение лжи, как умышленно неверного показания против другого человека, не нуждается в дополнительной мысли, будто ложь должна еще непременно вредить другому, как этого требуют юристы для полного ее определения (*mendacium est falsiloquium in praejudicium alterius*). Ложь всегда вредна кому-нибудь, если не отдельному лицу, то человечеству вообще, ибо она делает негодным к употреблению самый источник права²⁶.

В заключение мне бы хотелось привести текст одной забытой притчи, ставящей под сомнение адекватность и само право на существование «обмана во имя воспитания высших ценностей».

Крестьянин шел по дороге со своим сыном. Сын рассказывал что-то отцу и сказал ему неправду. Крестьянин догадался, что сын обманывает его. Тогда он сказал:

– Сейчас, сынок, мы подходим к мосту. Этот мост не простой, а волшебный – он проваливается под теми, кто говорит неправду.

Когда сын услышал это, он испугался и признался отцу, что обманул его.

Крестьянин со своим сыном вступили на мост, и вдруг... тот провалился.

– А ведь я тебя обманул, – сознался крестьянин мальчику, когда они выбрались на берег. – Волшебных мостов не бывает.

Порой наши необдуманные слова еще и не к таким последствиям приводят²⁷...

Поводом к моим размышлениям о пользе и вреде для детей родительской лжи послужил плакат 1965 г. Галины Шубиной «Не лги никогда!». Забытый на стене одной из учебных аудиторий РРГУ, вероятно еще с советских времен, этот плакат каждую среду оказывался перед моими глазами во время чтения курса

²⁵ Бонч-Бруевич В.Д. Ленин и дети. [Electronic resource] URL: <http://www.lib.ru/TALES/BONCH-BRUEWICH/Lenin.txt> (дата обращения: 10.03.2015).

²⁶ Кант И. О мнимом праве лгать из человеколюбия // Указ. изд. Т. 8. С. 259.

²⁷ «Жил человек»: 101 притча: Сб. христиан. притч и сказаний. М., 2011. С. 128.

«Современные проблемы философии». На плакате была изображена молодая мать или учительница, которая стальным, полным упрека взглядом пронизывает худенького мальчугана лет девяти, стоящего напротив нее. Пальцы воспитательницы цепко сжимают шуплые, виновато опущенные плечи ребенка. Лицо мальчика мы не видим, зато в глаза бросаются его пылающие уши. Яркая надпись на плакате гласила: «Не лги никогда!». Невольно разглядывая эту сцену неделю за неделей, я не могла избавиться от нарастающего чувства внутреннего дискомфорта, пока, наконец, не поняла, что именно можно было бы изменить в изображенной на плакате сцене, чтобы «нравственный закон внутри меня» был удовлетворен... поменять героев местами!

Список литературы

- Апресян Р.Г.* О праве лгать // Логос. 2008. № 5 (68). С. 4–18.
- Дондурей Д.Б.* ТВ: без анализа // Искусство кино. 2014. № 4. С. 3–9.
- Иванов В.И., Гершензон М.О.* Переписка из двух углов // *Гершензон М.* Избранное: в 4 т. М.; Иерусалим: Университет. кн.; Gesharim, 2000. С. 22–48.
- Лесли И.* Прирожденные лжецы. Мы не можем жить без обмана. М.: РИПОЛ классик, 2012. 219 с.
- «Жил человек»: 101 притча: Сб. христиан. притч и сказаний. М.: Никая, 2011. С. 148.
- Кант И.* О мнимом праве лгать из человеколюбия. Собрание соч.: в 8 т. Т. 8 / Под ред. А.В. Гулыги. М.: Чоро, 1994. 718 с.
- Лебедев А.В.* Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым крит. изд. фрагментов). СПб.: Наука, 2014. 533 с.
- Монтень М де.* Опыты. М.: Эксмо, 2006. 512 с.
- Ницше Ф.* К генеалогии морали. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 5 / Под ред. И.А. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2012. С. 231–384.
- Ницше Ф.* Человеческое, слишком человеческое // *Ницше Ф.* Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 2 / Под ред. И.А. Эбаноидзе. М.: Культурная революция, 2011. 672 с.
- Павловский Г.О.* Исповедь Путина: на что мы готовы ради уважения // РБК. <http://daily.rbc.ru/opinions/politics/10/11/2014/545cdf6bcbb20fa1c001da99>
- Столяров А.А.* Стоя и стоицизм. М.: АО КАМИ ГРУП, 1995. 448 с.
- Толстой Л.Н.* Лгун // *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 20 т. Т. 10. М., 1963. С. 21.
- Толстой Л.Н.* Косточка: Быль // *Толстой Л.Н.* Собр. соч.: в 22 т. Т. 10. М., 1963. С. 40–41.
- Тютчев Ф.И.* Silentium // *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч.: в 6 т. Т. 1. М., 2002. С. 123.
- Baron-Cohen S.* Autism and Asperger Syndrome: The Facts. Oxford: Oxford University Press, 2008. 163 p.
- Byrne R.* The Thinking Ape: Evolutionary Origins of Intelligence. Oxford: Oxford University Press, 1995. 276 p.
- Camden. C.T., Motley M.T., Wilson A.* Whites Lies in Interpersonal Communication: a Taxonomy and (Preliminary) Investigation of Social Motivations // *Western Journal of Speech Communication.* 1984. № 48. P. 309–325.
- De Paulo B.M., Kashy D.A.* Everyday Lies in Close and Casual Relationships // *Journal of Personality and Social Psychology,* 1998. № 74. P. 63–79.
- Dunbar R.* How Many Friends Does One Person Need: Dunbar's Number and Other Evolutionary Quirks. L.: Faber & Faber, 2010. 293 p.
- Humphrey N.* The social function of intellect // *Growing Points in Ethology,* ed. P.P.G. Bateson and R.A. Hinde. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 303–317.
- Heyman G., Hsu A., Fu G., Lee K., Jackman E.* Instrumental lying by parents in the US and China // *International Journal of Psychology.* 2012. № 1. P. 1–9.
- Kind A.* Creative mothering: Lies and the lying mothers who tell them. In: *Motherhood: The Birth of Wisdom.* Chichester (UK): Blackwell, 2010. P. 29–40.

Right to deceive (Towards a problem of advantage and disadvantage of lie for education)

Yulia Sineokaya

Higher Doctorate (*Habilitation*) in Philosophy, Associate Professor, Head of Department of the History of Philosophy. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: juliasineokaya@yahoo.com

The article is devoted to the question of advantages and disadvantages of lie for life. The process of formation of values and social stereotypes is one of the most hidden productions in the world. On the one hand, mass media, forming the public opinion of the nation, openly use small lie for the sake of a victory of the great truth. On the other hand, the parental lie appears to be one of the most effective and therefore widespread methods of education of children. Is there is a difference between deception and veracity, lie and the truth and, if so, what is it? Is lie appropriate as educational tool and the means of socialization? Or maybe, the truth is just the other side of lie? To answer the question about the benefits and dangers of lie in the world of the adults, it is necessary to understand, whether there is the truth in parental lie. Does parental lie really promotes children's obedience and forms in children the knowledge of ethical value of the truth? What is the long-term influence of parental deception of the child's perception of himself and his parents? Can parental lie be justified and what, instead of deception, can help parents upbringing their children? Looking for the answer in Montaigne, Kant and Nietzsche, as well as relying on results of the analysis of contemporary sociological, anthropological and psychological research, the author argues that neither half-truth, nor lie is effective in establishing moral principles.

Keywords: Ethics, moral principles, philosophical anthropology, revaluation of values, formation of ideals, social stereotypes, children's lie, parental deception, truth

References

- Apressyan, R. "O prave lgat'" [On Right to Lie], *Logos*, 2008, vol. 5, no 68, pp. 4–18. (In Russian)
- Baron-Cohen, S. *Autism and Asperger Syndrome: The Facts*. Oxford: Oxford University Press. 2008. 163 pp.
- Byrne, R. *The Thinking Ape: Evolutionary Origins of Intelligence*. Oxford: Oxford University Press. 1995. 276 pp.
- Camden, C.T., Motley, M.T., Wilson, A. "Whites Lies in Interpersonal Communication: a Taxonomy and (Preliminary) Investigation of Social Motivations", *Western Journal of Speech Communication*. 1984, no 48, pp 309–325.
- De Paulo, B.M., Kashy, D.A. "Everyday Lies in Close and Casual Relationships", *Journal of Personality and Social Psychology*. 1998, no 74, pp. 63–79.
- Dondurey, D. "TV: bez analiza" [TV: Without analysis], *Iskusstvo kino*, 2014, no 4, pp. 3–9. (In Russian)
- Dunbar, R. *How Many Friends Does One Person Need: Dunbar's Number and Other Evolutionary Quirks*. London: Faber & Faber. 2010. 293 pp.
- Heyman, G., Hsu, A., Fu, G., Lee, K., Jackman, E. "Instrumental lying by parents in the US and China", *International Journal of Psychology*, 2012, no 1, pp 1–9.
- Humphrey, N. "The social function of intellect", in: *Growing Points in Ethology*, ed. P. P. G. Bateson and R. A. Hinde. Cambridge: Cambridge University Press. 1976. pp. 303–317.

Ivanov, V., Gershenzon, M. "Perepiska iz dvuch uglov" [Correspondence from two corners], in M.O.Gershenzon, *Izbrannoe, 4 vols.* Vol. 4. Moscow-Jerusalim: Universitetskaya kniga-Gesharim. 2000. pp. 22–48. (In Russian)

Kant, I. "O mnimom prave l'gat' iz chelovekolubiya" [On a supposed right to lie because of philanthropic concerns], in: I. Kant. *Sobranie sochinenii*, 8 t. [Collection of Works, 8 vols.], vol. 8. Moscow: CHORO, 1994, 718 pp. (In Russian)

Kind, A. "Creative mothering: Lies and the lying mothers who tell them", in: *Motherhood: The birth of wisdom*. Chichester. UK: Blackwell, 2010, pp. 29–40.

Lebedev, A. *Logos Heraklita. Rekonstruktsiya mysli i slova (s novim kriticheskim izdaniem fragmentov)* [Logos of Heraclitus. Reconstruction of thought and word (with the new critical edition of fragments), St. Petersburg: Nauka, 2014. 533 pp. (In Russian)

Leslie, I. *Prirozhdenie lzhetzi. Mi ne mozhem zhit' bez obmana* [We Can't Live without Deceit], trans. by A.V.Bochonov. Moscow: RIPOL klassik, 2012. 219 pp. (In Russian)

Montaigne, M. *Opyty* [Experiences], Moscow: Eksmo, 2006, 512 pp. (In Russian)

Nietzsche, F. "Chelovecheskoe, slishkom chelovecheskoe" [Human, All Too Human], trans. by V. Bakusev, in: F. Nietzsche, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], vol. 2. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2011, 672 pp. (In Russian)

Nietzsche, F. "Genealogiya morali" [On the Genealogy of Morality], trans. by N.Polilov, K. Svas'yan, in: F. Nietzsche, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], vol. 5. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya Publ., 2012, pp. 231–384. (In Russian)

Pavlovskii, G. "Ispoved' Putina: na chto mi gotovi radi uvazheniya" [Putin's confession: on what we are ready for the sake of respect], RBK [<http://daily.rbc.ru/opinions/politics/10/11/2014/545cdf6bcbb20fa1c001da99>] accessed on 11.11.2014]. (In Russian)

Stolyarov, A. "Stoya I stoitzizm" [Stoa and Stoicism], Moscow: AO KAMI GRUP, 1995. 448 pp.

Tolstoy, L. "Kostochka" [Stone], in: L. Tolstoy, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], vol. 10. Moscow: Khudozhestvennaya literature. Publ., 1963, pp. 40–41. (In Russian)

Tolstoy, L. "Lgun" [Liar], in: L. Tolstoy, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], vol. 10. Moscow: Khudozhestvennaya literature. Publ., 1963, p. 21. (In Russian)

Tyutchev, F. Silentium. in: F. Tyutchev, *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Works], vol. 1. Moscow: Klassika. Publ., 2002, p. 123. (In Russian)

Zhil chelovek: 101 pritcha: Sbornik christianskikh pritch I skazanii [There lived a person: 101 parables. Collection of Christian parables and legends]. Moscow: NIKEYA. 2011. p. 148. (In Russian)